

УДК 94(470)"17"

Познахирев В.В., кандидат исторических наук, Частное учреждение образовательная организация высшего образования Университет «Реавиз», Санкт-Петербург (Россия)

ОСВОБОЖДЕНИЕ РОССИЙСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ПЛЕННЫХ ПРОТИВНИКА В ОДНОСТОРОННЕМ ПОРЯДКЕ В XVIII В.

В отечественной историографии вопросы, связанные с освобождением пленного противника в одностороннем порядке в войнах XVIII в., пока еще остаются не только не рассмотренными, но, фактически, даже не поставленными. Между тем, Россия имеет в этом отношении богатый опыт. И нельзя исключить, что опыт этот, в той или иной мере, может быть использован в ходе современных вооруженных конфликтов. Сказанное свидетельствует о новизне и актуальности настоящей статьи и предопределяет ее цель: раскрыть условия, порядок и ключевые особенности освобождения иностранных пленников. Методологическую основу данной работы составляют, преимущественно, историко-сравнительный и историко-ситуационный методы. В ходе исследования детально изучена практика освобождения иностранных военнопленных и интернированных в одностороннем порядке на примерах войн России с Польшей (1733–1735 гг.), Пруссией (1757–1762 гг.), Турцией (1735–1739 гг., 1768–1774 гг., 1787–1791 гг.), Францией (1799 г.) и Швецией (1700–1721 гг., 1741–1743 гг., 1788–1790 гг.). Анализируя документы пяти центральных отечественных архивов, автор формулирует совокупность критериев, позволяющих отграничить одностороннее освобождение от иных форм прекращения состояния плена; систематизирует выявленные им факты; классифицирует их по различным признакам; приходит к выводу, что в войнах XVIII в. российская сторона довольно часто освобождала пленного противника не просто в одностороннем порядке, но и (что особенно важно) без каких-либо условий. В заключение автор приходит к выводу, что материалы настоящей статьи не утратили своего значения для современности и в наши дни могут быть использованы сотрудниками учреждений и организаций, связанных с освобождением лиц, насильственно удерживаемых в районах вооруженных конфликтов как международного, так и внутригосударственного характера.

Ключевые слова: военнопленные, вооруженный конфликт, гуманитарный аспект, интернированные, одностороннее освобождение, подданные нейтральных и союзных держав, реверс, условия прекращения состояния плена.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-193-204

Анализ процессов, происходящих в зонах современных военных конфликтов свидетельствует о том, что мировому сообществу и его отдельным акторам, как правило, удается эпизодически производить обмены насильственно

удерживаемыми военными служащими и гражданскими лицами. Вместе с тем, такая форма прекращения состояния плена как освобождение его субъектов в одностороннем порядке, несмотря на свой высокий гуманитарный потенциал,

© Познахирев В.В.

© Poznakhirev V.V.

используется в наши дни относительно редко. Кроме того, она характеризуется, как правило, незначительным числом освобождаемых и, в конечном итоге, мало способствует нормализации ситуации в конфликтных регионах.

В этой связи определенный интерес может представлять российский опыт XVIII столетия, для которого был характерен довольно широкий спектр видов и способов одностороннего освобождения пленных противника, охватывающий практически все их категории. Правда, названный опыт до настоящего времени остается почти не изученным и освещается отечественными историками лишь фрагментарно, а точнее — в контексте исследования режима военного плена в целом [4; 5; 31 и др.]. Сказанное свидетельствует об актуальности и новизне избранной нами темы. Цель данной статьи состоит в том, чтобы раскрыть условия, порядок и ключевые особенности освобождения иностранных пленников. Основными задачами своей работы мы считаем следующие: установить перечень критериев, позволяющих отграничить одностороннее освобождение от иных форм прекращения состояния плена; выявить и систематизировать интересующие нас факты; на основе анализа и обобщения указанных фактов расширить и уточнить наши представления о политике России в сфере военного плена в XVIII столетии.

Как показывает изучение архивных документов и

опубликованных источников, освобождение в одностороннем порядке отличалось от всех иных форм прекращения состояния плена (обмен, размен, выкуп, побег, натурализация и послевоенная репатриация) тем, что удовлетворяло одновременно следующим условиям:

а) предшествовало заключению мирного договора;

б) основывалось на решении органов власти держащей в плену державы;

в) не требовало ни согласия противника, ни даже его информирования;

г) не предусматривало получение от противной стороны какого-либо встречного предоставления;

д) не было сопряжено с изменением подданства освобождаемых;

е) влекло за собой свободное перемещение пленников в регионы, находящиеся под контролем противника;

ж) носило бессрочный характер.

По способу реализации одностороннее освобождение может быть дифференцировано на:

I. Освобождение «на реверс», т.е. обусловленное необходимостью для получающего свободу лица принять на себя то или иное обязательство.

II. Освобождение без каких-либо условий.

Рассматривая перечисленное детальнее, отметим, что первый способ распространялся, преимущественно, на военнослужащих (как правило, из числа офицеров) и только европейских армий. Суть

его состояла в том, что пленный добровольно давал собственноручное письменное обязательство («реверс»), скрепленное его подписью и личной печатью, не принимать участия в военных действиях против России и ее союзников вплоть до конца войны. Одновременно всем лицам, бравшим на себя данное обязательство, разъяснялось, что в случае повторного пленения «с ними будет поступлено не как с военнопленными, а как с сущими злодеями и изменниками» [21, л. 1].

В качестве примера такого освобождения можно сослаться на эпизод, относящийся к июлю 1734 г., когда в ходе Войны за польское наследство 1733–1735 гг. в русский плен попала группа шведских офицеров-добровольцев (по разным данным, от 30 до 40 чел.), сражавшихся на стороне противника. «Для показания к шведскому государству доброжелательства» императрица Анна Иоанновна распорядилась: «шведских офицеров отпустить в их отечество токмо со взятием у них такого под присягою реверса письменного, чтоб они впредь ни против нас, ни против наших союзников ни у кого в войсках служить не смели, и посадя их на один галиот, отослать прямо в Стокгольм» [13, л. 118; 27, л. 283].

Особенно широко рассматриваемый способ освобождения применялся в период участия России в Семилетней войны (1757–1762 гг.) [21, л. 1; 23, л. 1–37], а также упомянутой Войны за польское наследство. Правда, в последнем

случае польские офицеры должны были предварительно присягнуть поддерживаемому Россией Фридриху Августу (но не Станиславу Лещинскому), и только после этого давали реверс в том, что они «впредь никогда к противной партии не пристанут, но в постоянной верности и покорности к законному своему королю, его королевскому величеству Августу III неотменно пребудут» [27, л. 28–30, 145; 29, л. 66–67].

Среди иных примеров такого освобождения нельзя не упомянуть событие, относящееся к Русско-шведской войне 1788–1790 гг. В феврале 1789 г. Стокгольм, при посредничестве правительства Испании, обратился к Екатерине II с предложением обменять находящиеся в русском плену контр-адмирала Клааса Вахтмейстера и его родного брата — капитана 1 ранга Ханса Вахтмейстера на двух пленных русских офицеров — капитана бригадирского ранга Амандуса Берха и лейтенанта Ивана Фан-дер-Флита. Примечательно, что императрица пошла гораздо дальше простого обмена и ответила, что «из великодушия своего и человеколюбивого снисхождения к желанию престарелого отца находящихся здесь графов Вахтмейстеров, равно как и в изъявлении дружбы своей к королю Гишпанскому, и из уважения к делаемому министрами сего государя ходатайству, всемилостивейше изволит освободить» обоих шведов «без всякого взаимства, со взятием однако ж реверса, чтоб они

во все продолжение нынешней войны против России не служили» [26, л. 58, 60]. К сказанному остается добавить, что король Швеции, конечно же, не остался в долгу и освободил упомянутых русских офицеров на тех же условиях. Что же касается Класаса Вахтмейстера, то по возвращению на родину адмирал письменно поблагодарил фактического руководителя российской внешней политики графа А. А. Безбородко за поддержку и доброе отношение к себе в период его пребывания в плену, а также заверил Петербург в том, что теперь и он сам «принимает меры к облегчению положения русских пленных в Швеции» [3, л. 1].

Нелишним будет также заметить, что применительно к XVIII столетию последний акт освобождения «на реверс» относится к февралю 1799 г., когда гарнизон капитулировавшей крепости на о. Корфу получил право вернуться во Францию «по предварительному обещанию не служить до истечения 18 месяцев» против России и ее союзников [9, л. 17–18].

В целом же, надо признать, что, исключая Войну за польское наследство и Семилетнюю войну, Петербург достаточно редко освобождал военнотружущих противника «на реверс». Во всяком случае значительно реже, нежели это происходило на Западе. В то же время Россия довольно широко практиковала освобождение пленных без каких-либо условий. И применяла его в отношении самых разных лиц, которых можно

условно классифицировать следующим образом:

1. Пленники, признанные негодными к военной службе.

2. Произвольно выбранные пленные.

3. Военнопленные определенной государственной или этнической принадлежности.

4. Пленники из числа подданных нейтральных или союзных держав.

5. Женщины, дети и престарелые.

6. Иные лица.

Рассмотрим перечисленное несколько подробнее.

1. Помимо демонстрации гуманизма, освобождение военнотружущих противника, признанных негодными к дальнейшей службе, преследовало и вполне практические цели: сокращение затрат на пленников, неспособных к труду; снижение нагрузки на собственный медицинский персонал и др. В XVIII в. данная мера практиковалась многими европейскими державами, и Россия не являлась в этом отношении исключением. К примеру, осенью 1709 г. русские доставили в Выборг и передали противнику 18 шведов, «которые ранены тяжелыми ранами и больше служить не могут, которых его царское величество (Петр I – В. П.) по своему милосердию приказал отпустить в свою отчизну» [16, л. 266]. Летом 1735 г. таким же образом свободу получили 3 пленных поляка, поскольку было установлено, что они «за старостью и за увечьем быть в службе неспособны» [28, л. 108]. На

исходе 1760 г. из Петербурга на родину было возвращено 5 пленных прусских солдат, представивших документы, свидетельствующие о том, что еще до своего пленения они были уволены в отставку по инвалидности [11, л. 255–256, 258] и т.д.

2. Произвольно выбранные пленные освобождались как в индивидуальном порядке, так и группами (от 2–3 чел. до нескольких сот человек). Будучи, в первую очередь, актом милосердия, освобождение такого рода могло преследовать и некоторые иные цели, как-то: демонстрация готовности Петербурга к мирным переговорам, оказание позитивного воздействия на общественное мнение в России и за ее пределами и пр. Например, в январе 1770 г. Екатерина II таким образом освободила одновременно трех турок, включая несовершеннолетнего. При этом текст паспорта на право свободного выезда из России, выданный одному из этих людей, вполне заслуживает того, чтобы быть приведенным здесь лишь с незначительными сокращениями: «Божьею милостью Мы Екатерина Вторая <...>. Предъявитель сего Киз Гасан ага родом из Кутахии близ Константинополя, находясь в прошлую 1769 г. кампанию при главной турецкой армии, где он имел чин пятисотника, взят был российским императорским оружием в плен вместе с сыном своим Мегметом из числа разбитого на сей стороне Днепра отборного неприятельского корпуса. Быв же

вместе с другими пленными привезен в здешнюю резиденцию для одного любопытства и сподобясь счастья видеть очи Ее Императорского Величества и пасть к освященным ее стопам, получил чрез то купно и с сыном своим из монаршего ее милосердия неожиданную свободу и отпуск в отечество без всякого за себя и за сына выкупа, в удостоверении чего и для свободного их из России в отечество свое возвращения, дан им по собственному Ее Императорского Величества высочайшему именному повелению сей паспорт с приложением государственной печати, который от всех военных и гражданских начальников да будет верно исполняем с оказанием Киз Гасан аге с сыном его всякого в пути вспоможения и благодеяния» [1, л. 114, 117].

В качестве еще одного примера можно сослаться на освобождение императрицей Елизаветой Петровной в августе 1761 г. экипажа небольшого прусского торгового судна (3 чел.), плененного в Балтийском море. При этом свое решение государыня мотивировала тем, что пруссаки эти «люди не военные и только для пропитания мореплаванием на купеческом судне были» [12, л. 21].

Что касается группового освобождения, то та же Елизавета Петровна еще в начале своего правления (январь 1742 г.) распорядилась вернуть на родину всех шведов, плененных после ее вступления на российский престол [19, л. 229–231, 280]. Однако наиболее масштабный факт такого

освобождения связан с именем фельдмаршала Г. А. Потемкина, который 7 ноября 1788 г., сразу по взятии крепости на о. Березань, дал свободу всему ее гарнизону (свыше 300 янычар во главе с двухбунчужным Осман-пашой). В письме к Екатерине II от 17 ноября 1788 г. светлейший следующим образом излагал мотивы своего решения: «паша, взятый на Березани, был прежде агою янычарским в Царьграде и пользовался особливим благоволением султана, к которому свободный имел доступ. Пред открытием войны мнения его о сохранении мира, не согласные с мнением верховного визиря, навлекли на него злобу сего начальника. <...>. Он уверяет, что верховный визирь многих имеет себе неприятелей, что при малом поколебании, падение его неминуемо. А в таком случае Осман-паша, много считая на особливую к себе милость султана и помощь друзей, ласкается быть удостоен к заступлению его места» [30, с. 78–79]. Верил ли сам Г. А. Потемкин тому, о чем писал императрице, остается не вполне ясным. Но нельзя не заметить, что, провожая пашу на родину, он снабдил того Открытым листом, в котором, явно стремясь оградить османского военачальника от возможных репрессий, сделал особый акцент на его отваге и стойкости при защите крепости: «после храброго (Здесь и далее по тексту цитаты курсив наш – В. П.) против посланных на тот остров от меня войск сопротивления, при жестоким нападении их, будучи доведен

до самой крайности, принужден был отдаться с гарнизоном в волю победителей» [30, с. 82].

3. Освобождение пленников определенной государственной или этнической принадлежности, как правило, носило массовый характер и детерминировалось радикальными изменениями в политической ситуации, делавшими дальнейшее содержание этих людей в плену не только бессмысленным, но и нежелательным. Так, 30 марта 1772 г., т.е. в разгар Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., Петербург, вследствие нормализации отношений с главами Крыма и ряда племенных союзов Причерноморья, предписал немедленно освободить всех пленных из числа крымских татар, а также татар Буджакской, Едисанской, Едикульской и Жумбалатской орд и отправить их «в свои жилища с выдачей обыкновенных кормовых денег» [20, л. 232].

Несколько иначе события развивались в январе-феврале 1762 г., когда прусский король Фридрих II, воспользовавшись кончиной императрицы Елизаветы Петровны, распорядился в одностороннем порядке, без каких-либо условий, освободить и вернуть на родину всех русских пленников. Новый глава российского государства (Петр III), в свою очередь, также повелел «выдачу прусских пленных немедленно начать и таким же образом производить, как то с прусской стороны делается» [25, л. 5–6]. Свою позицию император обосновал в письме на имя

князя М. Н. Волконского от 5 февраля 1762 г. следующим образом: «От каких бы причин не происходила сия аттенция (т.е. «уважительная благосклонность» — В. П.) короля прусского и пускай был он к тому побужден единственно политикою, дабы вместо выдаваемых наших пленных получить своих, которых числом гораздо более, однако ж тем не меньше подлинно, что благопристойность и самое наше достоинство требуют (Курсив наш — В.П.) показать к тому совершенное взаимство» [25, л. 4].

4. Подданные нейтральных и союзных держав оказывались в русском плену обычно либо в качестве неприятельских военнослужащих, либо моряков торговых судов, задержанных при попытке доставить грузы в порты противника. В любом случае, освобождались эти люди как по инициативе российской стороны, так и по ходатайствам их дипломатов и иных авторитетных лиц (глав государств, органов самоуправления вольных городов, гильдий судовладельцев и др.).

Так, уже в мае 1702 г. группа бранденбуржцев, «кои служили в Свейском войске», была направлена в Посольский приказ, а оттуда передана польскому посланнику в Москве [17, л. 4–5]. В марте 1716 г. Петр I, удовлетворяя просьбу короля Пруссии, разрешил освободить и вернуть на родину поручика Ганса Фридриха Цабелтица — прусского подданного, служившего в армии Карла XII и плененного под

Полтавой [18, л. 171–172, 178]. В годы Семилетней войны это явление приобрело поистине беспрецедентный размах, детерминированный двумя взаимосвязанными и взаимообусловленными особенностями армии Фридриха II: во-первых, многонациональным составом, включавшим в себя поданных едва ли не всех европейских государств, в т. ч. нейтральных и даже союзных России, а во-вторых, чрезвычайно высоким уровнем дезертирства из ее рядов, главным образом, в формах индивидуального и группового перехода на сторону противника. Иными словами — для поддержания дружественных отношений с союзными и нейтральными державами российское командование вынуждено было регулярно направлять в Петербург дезертиров «шведской, польской, саксонской, курляндской, австрийской, венгерской, моравской, богемской и других наций» для последующей передачи этих людей дипломатическим представителям их государств [22, л. 1; 24, л. 1].

Освобождение моряков торговых судов происходило примерно в том же порядке. Так, 12 сентября 1719 г. Комиссар цесарского вольного города Любека (проще говоря, посол Любека в России) Гендрик Эйлер направил Петру I список из 12-и своих соотечественников-моряков, задержанных «в Варяжском море на Любских купецких судах идущих в Швецию» с просьбой «бедным Любским мещанам отсель паки в отечество их свободными учинить

и дать им пасы (паспорта – В. П.) как и прочим даваны» [10, л. 202].

5. Престарелые и, особенно, женщины и дети освобождались из плена лишь в том случае, если это не влекло за собой насильственного разъединения семьи, т. е. осуществлялось с согласия ее членов. Одна из целей такого освобождения заключалась в сокращении расходов на содержание названных лиц, тем более, что к обязательному труду они не привлекались. Однако куда более значимым здесь был гуманитарный аспект. Это видно уже из переписки представителей российского и шведского военно-политического руководства периода Северной войны 1700–1721 гг., изобилующей заявлениями примерно следующего характера: «А полковника Лода жена и свояченица и прочие женского полу и малые дети отпущены без размены и пленными их не причитать. И ежели такие же российские в Свее есть или впредь будут, и чтоб оных отпускали таковым же образом», «Что же у вас свобожена полуполковника Мелина дочь, которая у вас в полону была, и с нашей стороны всегда тако ж де чинится безоборонным женскому полу и прочим, которые никакой противности не чинят. И впредь тако ж де содержать будем» и т. п. [14, л. 9; 15, л. 330, 335].

Если говорить конкретнее, то можно сослаться на факт освобождения в сентябре 1713 г. группы «старых мужиков и баб и с детьми» в количестве 10 чел., незадолго до этого задержанных

русскими крейсерами в Финском заливе [14, л. 43]. В декабре 1771 г. адмирал А. В. Елманов докладывал адмиралу Г. А. Спиридову, что «по свидетельству господина доктора Германа из содержащихся при Адмиралтействе под караулом пленных турок 8 чел. оказались за старостью и дряхлостью никакой работы понести не могут, которых для освобождения из плена при сем вашему превосходительству представляю» [7, л. 366]. В октябре 1739 г. польская врачевательница Саломея-Регина Пильштейн, прибывшая по собственной инициативе в Петербург, подала Анне Иоанновне челобитную «о даче ей на размен из плена турецких детей, от имеющих в России турков пленных». Заниматься разменом детей русская императрица, разумеется, не стала, а распорядилась «из содержащихся в Нарве и Ревеле пленных турков отдать ей (Пильштейн – В. П.) от двух до четырех человек и отпустить оную с ними чрез Ригу за границу» [2, л. 52–53].

6. К категории «иные лица» можно отнести многочисленные частные случаи освобождения пленных противника, которые обычно производились по решению командующих объединениями, действующими, преимущественно, в отрыве от своих основных баз. Наиболее ярким примером тому могут служить события, относящиеся к Первой Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг., когда русские регулярно освобождали турецких пленных из числа христиан (армян, греков,

грузин и др.), а также из числа этнических арабов. При этом, если первых просто «отпускали на волю», то вторых передавали главам региональных элит Османской империи, восставшим против центральной власти: Правителю Египта Али-бею и Правителю Палестины Дагер эль-Омеру [7, л. 349; 8, л. 38]. Кроме того, в указанный период граф А. Г. Орлов и адмирал Г. А. Спиридов поддерживали неформальные контакты с работавшими в Стамбуле дипломатами нейтральных держав и даже отдельными высокопоставленными османскими чиновниками. Это способствовало облегчению положения находящихся в Турции российских пленников, но в то же время требовало эпизодического освобождения и пребывающих в русском плену турок [6, л. 27–29; 7, л. 351, 383].

Резюмируя и обобщая изложенное, мы приходим к следующим выводам:

I. На протяжении всего XVIII столетия Россия систематически освобождала пленных и интернированных противника в одностороннем порядке, в подавляющем большинстве случаев без каких-либо условий.

II. В указанных

хронологических рамках исследуемая форма прекращения состояния плена применялась во всех скольконибудь значимых военных конфликтах, практически всеми российскими монархами и, как правило, при непосредственном участии последних.

III. Явный акцент российского военно-политического руководства именно на безусловном освобождении пленников свидетельствует о том, что в ходе войны оно стремилось скорее к укреплению позитивного имиджа государства, нежели к нейтрализации отдельных военнотружущих противника путем лишения их права на участие в боевых действиях.

IV. Прделанная работа дает основания предполагать, что расширение практики одностороннего освобождения пленников без каких-либо условий могло бы способствовать смягчению гуманитарной ситуации в районах современных вооруженных конфликтов как международного, так и внутригосударственного характера. Кроме того, оно обеспечило бы регулярные контакты между воюющими, эффективный контроль за динамикой противостояния, а в конечном итоге — и высокую результативность всего мирного процесса.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1254.
2. АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1257.
3. АВПРИ. Ф. 96. Оп. 6. Д. 1576.
4. Макарова Н. Н. Шведские военнопленные на Урале в первой четверти XVIII века // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. №

1 (39). С. 122–129.

5.Познахирев В. В. Особенности управления контингентом прусских военнопленных в России в период Семилетней войны 1756–1763 гг. // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 83–97.

6.Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 188. Оп. 1. Д. 91.

7.РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 11.

8.РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 119.

9.РГА ВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 85.

10.РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. 1719 г. Д. 2^a.

11.РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. 1760 г. Д. 10.

12.РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 16.

13.РГА ВМФ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 2.

14.РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 68.

15.РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 198.

16.РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 23.

17.Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. 1700 г. Д. 13.

18.РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 103.

19.РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 503.

20.Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 1862.

21.РГВИА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 143.

22.РГВИА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 237.

23.РГВИА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 240.

24.РГВИА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 363.

25.РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1695.

26.Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1146. Оп. 1. Д. 10.

27.РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 67.

28.РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 75.

29.РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 77.

30.Сборник военно-исторических материалов. Вып. VII: Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. 1788–1789 гг. СПб.: Воен. тип., 1894. 396 с.

31.Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири: первая четверть XVIII века. М.: РГГУ, 2005. 209 с.

RELEASE BY THE RUSSIAN GOVERNMENT OF PRISONERS OF THE ENEMY UNILATERALLY IN THE 18TH CENTURY

In Russian historiography, issues related to the unilateral release of enemy prisoners in the wars of the 18th century are still not only not considered, but, in fact, are not even raised. Meanwhile, Russia has a wealth of experience in this regard. In addition, it cannot be excluded that this experience, in one way or another, can be used in the course of

modern armed conflicts. The foregoing indicates the novelty and relevance of this article, and this predetermines its goal: to reveal the conditions, procedure and key features of the release of foreign captives. The methodological basis of this work is mainly historical-comparative and historical-situational methods. In the course of the study, the practice of releasing foreign prisoners of war and internees unilaterally was studied in detail on the examples of the wars of Russia with Poland (1733–1735), Prussia (1757–1762), Turkey (1735–1739, 1768–1774, 1787–1791), France (1799) and Sweden (1700–1721, 1741–1743, 1788–1790). Analyzing the documents of five central Russian archives, the author formulates a set of criteria that allow to distinguish between unilateral release from other forms of ending the state of captivity; systematizes the facts revealed by him; classifies facts according to various criteria; comes to the conclusion that in the wars of the XVIII century the Russian side quite often released enemy prisoners not just unilaterally, but also (which is especially important) without any conditions. In conclusion, the author comes to the conclusion that the materials of this article have not lost their significance for modernity and today can be used by employees of institutions and organizations associated with the release of persons forcibly detained in areas of armed conflict, both international and domestic.

Keywords: prisoners of war, armed conflict, humanitarian aspect, internees, unilateral release, subjects of neutral and allied powers, reverse, conditions of termination of state of captivity.

References

1. Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI, Foreign Policy Archives of the Russian Empire, Moscow). F[ond]. 2. Op[is']. 2/1. D[elo]. 1254.
2. AVPRI. F. 2. Op. 2/1. D. 1257.
3. AVPRI. F. 96. Op. 6. D. 1576.
4. Makarova N. N. (2013). Shvedskie voennoplennye na Urale v pervoi chetverti XVIII veka [Swedish prisoners of war in the Urals in the first quarter of the XVIII century]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Problems of History, Philology and Culture*]. no 1 (39). pp. 122–129. (in Russ.)
5. Poznakhirev V. V. (2016). Osobennosti upravleniya kontingentom prusskikh voennoplennykh v Rossii v period Semiletnei voiny 1756–1763 [Management features of the contingent of Prussian prisoners of war in Russia during the Seven Years' War of 1756–1763]. *Voprosy istorii* [*Studies in the History*]. no 6. pp. 83–97. (in Russ.)
6. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-morskogo flota (RGA VMF, Russian State Archive of the Navy, Saint Petersburg). Ф. 188. Оп. 1. D. 91.
7. RGA VMF. F. 190. Op. 1. D. 11.
8. RGA VMF. F. 190. Op. 1. D. 119.
9. RGA VMF. F. 198. Op. 1. D. 85.
10. RGA VMF. F. 212. Op. 11. 1719. D. 2^a.
11. RGA VMF. F. 212. Op. 11. 1760. D. 10.
12. RGA VMF. F. 227. Op. 1. D. 16.
13. RGA VMF. F. 230. Op. 1. D. 2.
14. RGA VMF. F. 233. Op. 1. D. 68.
15. RGA VMF. F. 233. Op. 1. D. 198.

- 16.RGA VMF. F. 234. Op. 1. D. 23.
- 17.Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA, Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow). F. 96. Op. 1. 1700. D. 13.
- 18.RGADA. F. 248. Op. 3. D. 103.
- 19.RGADA. F. 248. Op. 3. D. 503.
- 20.Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA, Russian State Military Historical Archive, Moscow). F. 16. Op. 1. D. 1862.
- 21.RGVIA. F. 39. Op. 1. D. 143.
- 22.RGVIA. F. 39. Op. 1. D. 237.
- 23.RGVIA. F. 39. Op. 1. D. 240.
- 24.RGVIA. F. 39. Op. 1. D. 363.
- 25.RGVIA. F. 846. Op. 16. D. 1695.
- 26.Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA, Russian State Historical Archive, Saint Petersburg). F. 1146. Op. 1. D. 10.
- 27.RGIA. F. 1329. Op. 3. D. 67.
- 28.RGIA. F. 1329. Op. 3. D. 75.
- 29.RGIA. F. 1329. Op. 3. D. 77.
- 30.Sbornik voenno-istoricheskikh materialov. (1894). Vyp. VII: Bumagi knyazya Grigoriya Aleksandrovicha Potemkina-Tavricheskogo. 1788–1789 [Collection of military-historical material, Iss. VII, Papers of Prince Grigory Alexandrovich Potemkin-Tavrichesky, 1788–1789]. Saint Petersburg: Voen. tip. Publ. 396 p. (in Russ.)
- 31.Shebaldina G. V. (2005). Shvedskie voennoplennye v Sibiri: pervaya chetvert' XVIII veka [Swedish prisoners of war in Siberia: the first quarter of the XVIII century]. Moscow: RGGU Publ. 209 p. (in Russ.)

Об авторе

Познахирев Виталий Витальевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Частное учреждение образовательная организация высшего образования Университет «Реавиз», Санкт-Петербург (Россия), E-mail: vvkr@list.ru

Poznakhirev Vitalii Vitaliyovich. — PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of history, humanities, social and economic disciplines, Private Institution Educational Organization of higher education «Reaviz» University, Saint Petersburg (Russia), E-mail: vvkr@list.ru